

УДК 343.97

**«СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ» И ЕГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ
ОЦЕНКА****О.А. Верещагин**

кандидат филос. наук, доцент кафедры права, философии и социальных дисциплин
Арзамасского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
университет им. Н.И. Лобачевского»

А. С. Агафонова

Студентка

специальность «Педагогика и психология девиантного поведения»

Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
университет им. Н.И. Лобачевского»

А. А. Храмов

Студент

специальность «Психология служебной деятельности»

Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
университет им. Н.И. Лобачевского»

Аннотация

В статье исследован феномен «стокгольмского синдрома» в качестве распространенной психопатологии, провоцируемой стрессовой ситуацией криминального характера. Как полагают авторы, комплексный криминологический анализ преступления терроризма, заставляет исследователей обращаться к фактам деформации обычных поведенческих реакций в системе взаимоотношений агрессор-жертва. В статье неоднократно поднимается вопрос об истинной природе «стокгольмского синдрома», который по мнению авторов, может быть найден в анализе критериев демаркации психиатрической диагностики и некритично воспринятых мифологем массового восприятия.

Ключевые слова: криминология, патология, психиатрия, «стокгольмский синдром», «терроризм».

«STOCKHOLM SYNDROME» AND ITS CRIMINOLOGICAL ASSESSMENT**O.A. Vereshchagin**

candidate of philosophical sciences, associate professor

[N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod](#)

Arzamas branch, Russia, Arzamas city

A. S. Agafonova

Student

specialization «Pedagogy and psychology of deviant behavior»

[N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod](#)

Arzamasbranch, Russia, Arzamas city

A. A. Khramov

student, specialization « Psychology of professional activity»

[N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod](#)

Arzamasbranch, Russia, Arzamas city

ABSTRACT

The article investigates the phenomenon of "Stockholm syndrome" as a General psychopathology in a stressful situation of criminal nature. According to the authors, a comprehensive criminological analysis of the crime of terrorism forces researchers to turn to the facts of deformation of habitual behavioral reactions in the system of relations between the aggressor and the victim. The article repeatedly raises the question of the true nature of the "Stockholm syndrome", which, according to the authors, can be found in the analysis of demarcation criteria of psychiatric diagnosis and the mythologist of mass perception.

Key words: criminology, pathology, psychiatry, Stockholm syndrome, terrorism.

Фактор террористической угрозы является наиболее резонансным и рискогенным явлением, во многом определяющим современную политическую повестку дня как национальном уровне, так и на уровне межгосударственного общения. Безусловно, преступление терроризма с необходимостью квалифицируется исходя из внутригосударственных стандартов уголовной отрасли [5], а также получает всестороннюю характеристику в системе международного уголовного права [4]. Однако академическое исследование указанной формы делинквентного поведения, предполагает обращение к фактам и детерминантам психологического и социального свойства. В данной связи особое значение приобретает комплексный криминологический анализ преступления терроризма [6], особенно в части детального изучения личности преступника. Детализация самой криминологической процедуры предполагает, что наряду с криминологическими источниками подлежит рассмотрению материал, наработанный специалистами в области этнопсихологии, юридической психологии и политической конфликтологии.

Как нам представляется, привлечение внимания юристов-практиков к так называемым «инорациональным» детерминантам террористического поведения, позволяет провести сущностный анализ этого явления на всех уровнях его распространения и бытования. Не случайно поэтому, что пристальное внимание криминологов сфокусировано именно на процессе формирования личности террориста, с экспликацией его индивидуальных социотипических черт и характеристик. По мнению Белокурова В. Г. [2], личность террориста, как собственно говоря, и личность в целом, происходит становление на основе трех базовых составляющих – социокультурная среда, неосознаваемые механизмы личностного развития и формирования террористической направленности. В предложенной модели, типизация террориста строится исключительно на социальной основе и не имеет сколько-нибудь значимого объяснения в духе «криминальной антропологии» Ч. Ломброзо [8]. Как указывает, С. А. Солодовников, «у личности нет и не может быть врожденных террористических свойств, они все

приобретенные в процессе жизнедеятельности человека под влиянием социальной среды, ближайшего окружения; их формированию способствуют социальные условия» [9, с. 31]. Схожую позицию отстаивает Лебедев И. В. [7], полагая, что мотивы преступного поведения детерминированы мировоззренческими установками, жизненными интенциями, социальными ориентациями, умениями и привычками. Таким образом, мотивация терроризма носит сложный, многоуровневый характер, и во многом фундирована существующими в социуме стереотипами и установками, то есть коренится в самом «криминализованном социуме» и его самовоспроизводящихся преступных структурах. Принципиально важно, что конкретный террористический акт необходимо дифференцировать в зависимости от его видовой принадлежности и идеологического содержания.

В известном смысле все террористические акты имеют определенный эмоционально-мотивационный фон, который в значительной степени связывает воедино весь событийный ряд происходящих трагических событий. Именно в этом особом эмпатически-симпатическом измерении стоит, на наш взгляд, рассматривать феномен «стокгольмского синдрома» в качестве нетипичного психосоциального явления, разрушающего традиционные представления о модели взаимоотношений преступника и его жертвы.

Когда говорят о «стокгольмском синдроме», чаще всего упоминают о вполне реальных фактах, связанных с конкретным преступлением террористической направленности. Категориальное обобщение, впервые использованное шведским криминалистом и психиатром Нильсом Бейерутом, превратилось в рабочее определение некоего нетипичного состояния психики, создающее атмосферу эмпатии и доверительности в отношениях жертвы и агрессора. События стокгольмского теракта 1973 года, оказались отнюдь не единичными и не случайными (захват резиденции японского посла в Лиме 17 декабря 1996 г., захват заложников в «Норд-Осте» а 23 октября 2002 года в Москве и т.п.) и повлекли за собой цепочку схожих по своей сути явлений, отмечаемых в процесса разворачивания террористических акций и нападений.

Тем не менее, не стоит рассматривать «стокгольмский синдром» вне общего контекста уголовной и антисоциальной природы любой террористической деятельности, пытаясь выделить особое предметное поле для его анализа. Действия террориста 32-летнего Ян Эрика, который «потребовал три миллиона крон, оружие, пуленепробиваемые жилеты, шлемы, спортивный автомобиль и свободу бывшего сокамерника – Улафссона» [1], не могут быть каким-то образом перекалифицированы с точки зрения состава и содержания преступных действий. Другое дело, что существуют разночтения в понимании природы этого феномена в отношении его психосоциальных оснований и предпосылок.

Некоторые исследователи полагают, что ответ на вопрос об истинной природе этого явления лежит в сфере критериев демаркации психиатрической диагностики и некритично воспринятых мифологем массового восприятия [11]. В частности, предполагается, что в значительной степени «стокгольмский синдром» существует как медийный феномен, который «используется средствами массовой информации в качестве термина для описания позитивной связи, которую жертва похищения развивает по отношению к своему похитителю» [11]. Действительно, до сих пор не существует обобщенного списка диагностических критериев, по которым можно было бы четко квалифицировать указанный феномен. Существующая литература имеет ограниченную исследовательскую ценность для поддержки «стокгольмского синдрома» как психиатрического диагноза. В данной связи можно предположить, что «стокгольмский синдром» – это не психологический парадокс, не расстройство (или синдром), а нормальная реакция человека на сильно травмирующее психику событие. Именно

поэтому, «стокгольмский синдром» не включен ни в одну международную классификацию психиатрических заболеваний и относится к числу неразрешенных теоретических проблем криминологии.

Тем не менее, существует ряд публикаций [3], в которых криминологические маркеры «стокгольмского синдрома» экстраполируются на практику применения криминалистических методов работы с потерпевшими. Рассматриваемые авторами типологические признаки «стокгольмского синдрома» - «отождествление себя с агрессором, проявление симпатии к нему, слияние некоторых жизненных позиций с поведением преступника» [3, с. 78], создают дополнительные трудности в использовании типичных криминалистических методов работы с потерпевшими, поскольку жертва на бессознательном уровне встает на сторону преступника. Возможно банальное дезинформирование в ходе осуществления следственных действий, приводящее к затягиванию процесса на этапе сбора доказательств.

Как показывает анализ, случаи выявления «стокгольмского синдрома» не ограничиваются террористическими актами. Схожие типологические черты в системе взаимоотношений агрессор-жертва фиксируются в местах проведения военных действий, в колониях, тюрьмах и других исправительных учреждениях, в деятельности религиозных сект и групп, в динамике развития семейно-бытовых конфликтов. При кажущейся несхожести и несводимости описываемых ситуаций – момент психиатрической аномалии, связанной с симпатией жертвы к своему агрессору повторяется. Во всех описываемых примерах должны сформироваться необходимые условия воспроизведения подобного феномена: «присутствие двух сторон – агрессора и жертвы, их общение в полной изоляции от посторонних лиц, лояльное отношение террориста к пленному, понимание действий агрессора и оправдывание их, разобщение большой группы заложников, замещение презрения у жертвы одобрением и симпатией, совместное достижение цели в условиях опасности и риска смерти» [10].

Еще раз подчеркнем, что этиологические причины патологии «стокгольмского синдрома» до конца не выяснены. Столь же не прогнозируем и мало предсказуем характер действий сторон в данном инциденте. С одной стороны, в непосредственной стадии развития патологии шансы жертвы выжить возрастают вместе с повышением уровня ее психологической грамотности, коммуникабельности и контактности. Возможна коррекция и изменение первоначальных целей агрессора. С другой стороны, в постстрессовой ситуации, потерпевший может продолжать транслировать благожелательное отношение к агрессору и выгораживать его в ходе следственных и судебных разбирательств. В указанной связи сотрудникам правоохранительных органов необходимо научиться максимально эффективно взаимодействовать с профессиональными психологами, психиатрами и криминологами с точки зрения составления объективной картины.

Являясь, по сути, бессознательным механизмом психологической защиты, «стокгольмский синдром» способствует перестройке психики в условиях продолжительного стресса, формируя «измененное состояние сознания» у жертвы, стремящейся всеми способами выжить в ситуации перманентной витальной угрозы. В указанной связи, происходит рационализация иррациональной по своим причинам и последствиям криминологической ситуации, требующей соответствующих нетрадиционных методов криминологического анализа, способных отследить деформации в поведенческих моделях и мотивационных структурах пострадавшей в инциденте стороны.

Список литературы

1. Асямов С. Стокгольмский синдром: история появления и содержание термина [Электронный ресурс] URL: <http://yurpsy.com/files/fakt/171.htm> (дата обращения 25.03.2019)
2. Белокуров Г.И. Мотивационная направленность личности террориста // Юридическая психология. - М.: Юрист, 2008, № 2. С. 16-20
3. Глущенко А.В., Лукманова Э.А. «Стокгольмский синдром» сквозь призму криминалистических знаний // Современное материалы Всероссийской научной конференции с международным участием в 4-х томах. 2016. С. 77-81.
4. Иногамова-Хегай Л. В.Международный терроризм как международное преступление против человечности в международном уголовном праве //Вестник Краснодарского университета МВД России – 2017. № 1 (35). С. 19-23.
5. Комарова М.А. Терроризм в уголовном праве России: Дис. канд. юрид. наук. - М., 2003. - 297 с.
6. Матчанова З.Ш. Личность террориста в контексте исследований в области криминологии и психологии// Российский следователь. 2010. № 7. С. 13–16.
7. Лебедев И.В. Характеристика личности осужденного за терроризм // Человек, преступление и наказание. 2005. N 3(51). С. 95-99.
8. Ломброзо Ч. Преступный человек – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 876 с.
9. Солодовников С.А. Терроризм и организованная преступность - М.: Юнити-Дана, 2014. - 173 с.
10. Стокгольмский синдром: причины, симптомы, диагностика, лечение [Электронный ресурс]. - URL: <https://syndrom.info/stokgolmskij/> (дата обращения – 25.03.2019)
11. Namnyak M., Szekely R., Toa M., Worboys S. , Sampson E. L. Stockholm syndrome': psychiatric diagnosis or urban myth? [Электронный ресурс]. - URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1600-0447.2007.01112.x>

References

1. Asyamov S. Stockholm Syndrome: history of occurrence and content of the term [Electronic resource] URL: <http://yurpsy.com/files/fakt/171.htm> (accessed March 25, 2019)
2. Belokurov G.I. Motivational orientation of a terrorist personality // Legal Psychology. - M.: Lawyer, 2008, No. 2. S. 16-20
3. Glushchenko A.V., Lukmanova E.A. "Stockholm Syndrome" through the prism of forensic knowledge // Modern Society: Science, Technology, Education, Materials of the All-Russian Scientific Conference with international participation in 4 volumes. 2016.S. 77-81.
4. Inogamova-Khegai L.V. International terrorism as an international crime against humanity in international criminal law // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia - 2017. No. 1 (35). S. 19-23.
5. Komarova M.A. Terrorism in the criminal law of Russia: Dis. Cand. legal sciences. - M., 2003. -- 297 p.
6. Matchanova Z.Sh. The identity of the terrorist in the context of research in criminology and psychology // Russian investigator. 2010. No. 7. P. 13–16.
7. Lebedev I.V. Characteristics of the personality of a convict for terrorism // Man, crime and punishment. 2005. N 3 (51). S. 95-99.
8. Lombroso C. The criminal man - M. : Eksmo; St. Petersburg: Midgard, 2005. -- 876 p.
9. Solodovnikov S.A. Terrorism and organized crime - Moscow: Unity-Dana, 2014. -- 173 p.
10. Stockholm syndrome: causes, symptoms, diagnosis, treatment [Electronic resource]. - URL: <https://syndrom.info/stokgolmskij/> (accessed date - 03/25/2019)

11. Namnyak M., Szekely R., Toa M., Worboys S., Sampson E. L. Stockholm syndrome ' : psychiatric diagnosis or urban myth? [Electronic resource]. - URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1600-0447.2007.01112.x>